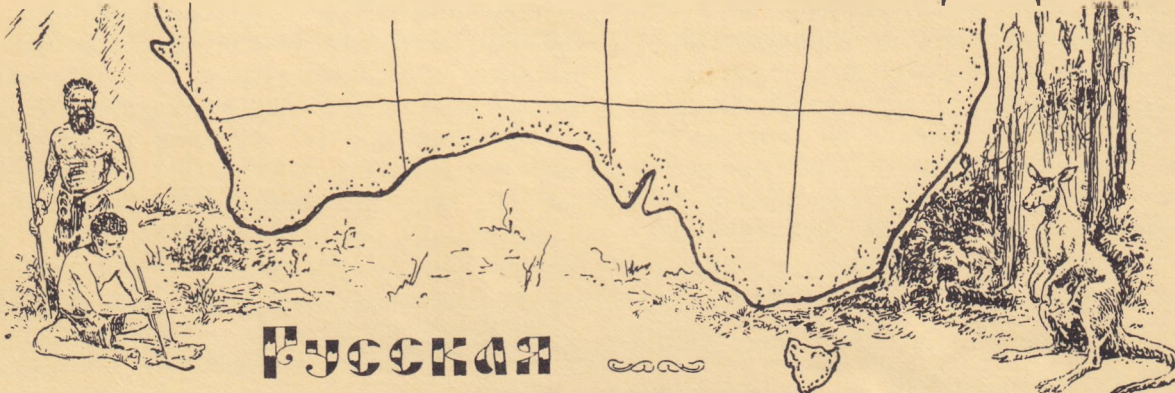
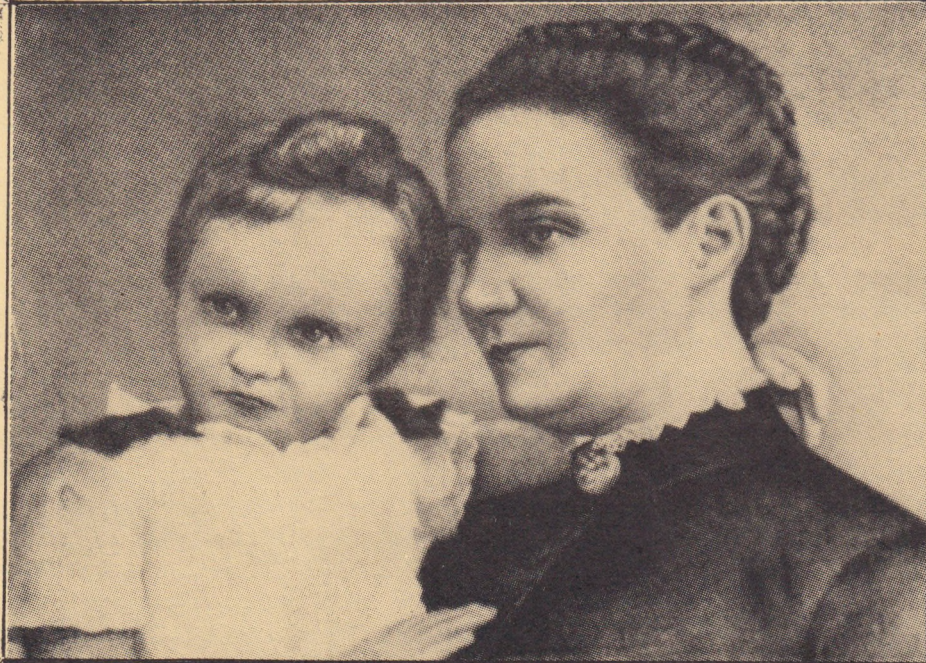

АВСТРАЛИАДА

Русская
история

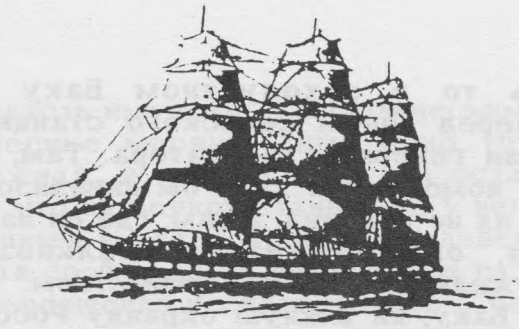
Маргарита Миклухо-Маклай (Робертсон) с сыном.

1996 г.

9

Сидней

Из ранней истории

Елена ГОВОР

Губернатор Лаклан Макуори и русские

Визиты русских кораблей в Сидней в первые десятилетия XIX века были большим событием в жизни молодой австралийской колонии, и прием, оказанный русским морякам, далеко выходил за рамки официальной любезности. Исключительное гостеприимство австралийцев по отношению к русским было вызвано рядом причин – союзничеством на международной арене, соседством по Тихому океану, провинциализмом и изолированностью самих австралийцев, их безразличием к деспотизму в далекой России, а также экзотическими чертами в образе русских и их страны. Апогей взаимных симпатий пришелся на время визитов 1814 и 1820 гг., когда губернатором Нового Южного Уэльса был Лаклан Макуори, сыгравший важную роль во всплеске австралийской "русофилии" в этот период. За всю историю русско-австралийских контактов никто из австралийцев не заслужил такого восторженного отношения к себе со стороны русских.

Русские совсем не преувеличивали, когда писали о приеме, оказанном им губернатором: "Кажется, губернатор был занят единственно тем, чтобы доставлять непрерывные нам удовольствия" (М.Васильев); [Макуори] "просил, чтобы сколько можно чаще его посещали" (Ал.Лазарев); "Губернатор старался предупреждать наши желания во всем, что только могло быть для нас полезно" (Ф.Беллинсгаузен); "Таковое расположение англичан к русским, что бывает очень редко, заставляет... каждого из нас... быть благодарным губернатору и его супруге, которые в продолжение месячного нашего здесь пребывания не хотели суток быть без нас" (Н.Шишмарев). И наконец: "Имя губернатора Mascuare не должно изгладиться из сердца каждого из нас" (Шишмарев).

О стремлении принять русских наилучшим образом свидетельствует и дневник Макуори – так, на протяжении марта 1820 года во время захода в Порт-Джексон кораблей "Открытие" и "Благонамеренный" он делает записи о русских в дневнике 12 раз. Столь же часто он писал о них и в дальнейшем. Из дневника Макуори и других документов видно, как важна была для него оценка русскими его приема. Несколько раз он упоминает их реакцию – "чрезвычайно довольны", "в полном восторге", "в высшей степени благодарны и довольны", – а также описывает прием, оказанный ему во время визита на русские корабли: "Я был принят с подчеркнутым вниманием и уважением", "нас принимали в высшей степени доброжелательно и любезно".

Почему же Макуори оказывал такое внимание русским морякам? Очевидно, это особое отношение было связано с его предшествующими контактами с Россией и русскими. В 1807 году, будучи офицером английской армии, он совершил поездку из Индии в Англию через Россию. Он вступил на территорию Российской Империи в Баку, а затем в "ужасной кибитке", запряженной тройкой лошадей, через Астрахань, Царицын, Новохоперск, Тамбов, Рязань, Коломну и Москву, пересек всю страну, добравшись два месяца спустя до Санкт-Петербурга. Путешествие Макуори через Россию было случайностью – ему пришлось выбрать этот маршрут потому, что путь через Турцию оказался невозможным. Он спешил в Англию к своей невесте Элизабет Кэмпбелл и неудивительно, что его сознание было поглощено только одним – преодолением пространства, а не стремлением познать Россию и русских, но тем не менее его неопубликованный дневник, который он вел на протяжении всего путешествия, дает прекрасный портрет и того и другого. Русские страницы этого дневника представляют собой отнюдь не традиционные путевые впечатления, а создают скорее ощущение фантасмагорического кафкианского сна, растянувшегося почти на два с половиной месяца. Россия предстала перед ним как мир противоречивый и алогичный. Все его попытки подойти к русской реальности с мерками западного человека – человека действия и разума – потерпели полный

Губернатор Лаклан Макуори

провал, будь то в захолустном Баку или в Петербурге, перед лицом сельского станционного смотрителя или генерал-губернатора. Там, где он ожидал найти помощь или хотя бы цивилизованное поведение, он их не находил, а там, где он на них не рассчитывал, он неожиданно сталкивался с искренним дружелюбием и гостеприимством.

Въехав в Баку, на южную окраину Российской империи, Макуори узнал, что в Астрахани он может попасть в карантин, так как в России в это время свирепствовала лихорадка. Опытный путешественник тут же обратился к генерал-губернатору Баку Гурееву с просьбой выдать ему и его спутникам карантинное свидетельство, подтверждающее, что они въехали в страну здоровыми, но губернатор отказался, заявив, что "мы таких свидетельств не даем, и добавив, что если бы он даже и выдал его, то оно нам не поможет", - с недоумением пишет Макуори. С точки зрения англичанина, это, конечно, был совершенно невразумительный ответ бюрократа. Макуори, приложив много усилий, в конце-концов по-

лучил желанное свидетельство, но в Астрахани он убедился, что Гуреев был прав: местные власти бакинское свидетельство не признали и засадили Макуори в карантин на 25 дней. Более того, губернатор Астрахани даже не отвечал на его письма, а когда срок карантина кончился, не выполнил своего обещания разрешить Макуори немедленно выехать из города.

Но вот, кажется, все неприятности позади, и перед неунывающим путешественником открыта дорога в Петербург. Он надеялся "добраться до столицы за 12 дней", передвигаясь днем и ночью, "хотя обычно такой путь занимает 18-20 дней". Увы, на просторах России простая арифметика не действовала, и он добрался до Петербурга лишь через 22 дня, будучи еще несколько раз задержан властями. Г.Барратт утверждает, что в Коломне, где Макуори продержали шесть дней, он был арестован как шпион, но этому нет документального подтверждения. Будь это так, то действия его мучителей имели бы хоть какое-то разумное объяснение. Здесь же, напротив, русский произвол и бюрократизм предстали перед ним, доведенные до абсурда. Выбравшись наконец из Коломны и получив еще одно карантинное свидетельство от московского губернатора, Макуори вновь был задержан у самого въезда в Москву, в Люберцах, на этот раз "невежественным станционным смотрителем", который решил снова отправить его документы в Москву на проверку, но и после этого Макуори был задержан еще раз стражей у ворот Москвы. По иронии судьбы, его спутники, которые покинули Астархань позже, приехали в Москву раньше него, так как они миновали все опасные места ночью, когда стражники крепко спали. Таким образом, Макуори на собственном опыте убедился в правоте странной русской поговорки "Поспешай медленно".

События в Петербурге развивались не менее драматично. Получив поручение английского посла доставить важные депеши в Лондон, Макуори отправился в Кронштадт, где его ждал корабль, и, как кажется, совершенно забыл, что он все еще в России. Бдительные стражники у петербургских ворот незамедлительно напомнили ему об этом, не выпустив его из города без разрешения от начальника полиции. Отправившись в его резиденцию, Макуори узнал, что начальник полиции "лег спать и его нельзя беспокоить" до восьми вечера (дело происходило в начале дня). Макуори развил бешеную деятельность, чтобы преодолеть это последнее препятствие, и наконец, подняв на ноги английского посла и русского министра иностранных дел, в десять часов вечера он получил "разрешение на выезд". Он, по-видимому, даже не заметил абсурдности своего энергичного поведения в условиях России - ведь если бы он ничего не делал, а просто дожидался пробуждения начальника полиции (как поступили бы русские в подобной ситуации), то результат был бы тот же самый.

Злоключения Макуори в России описаны им настолько живо, что у русского читателя они вызывают хорошо ему знакомое чувство полнейшей беспомощности

перед власть имущими. Символическим кажется, что, как пишут русские моряки, лишь одно трудное русское слово "подорожная" в памяти Макуори осталось "неизгладимым... потому, что на всякой станции ее у него спрашивали". Будучи сдержанным и хладнокровным человеком, он тем не менее, описывая свой русский опыт, раз за разом повторяет: "жестокое", "совершенно несправедливое", "бесчестное заключение", "глубокое разочарование", "унизительная задержка", "чрезвычайно подавлен и ошеломлен" и, наконец, крик души: "мое терпение почти исчерпано", "я никогда не проводил время так неприятно", "мне осточертела русская полиция".

Макуори подметил характерную черту русской натуры: чиновники были исполнены подозрительности и ксенофобии лишь в тех случаях, когда его дело находилось на их прямой ответственности. Но как только этот груз спадал с их плеч, они становились чрезвычайно гостеприимными. Например, комендант коломенского гарнизона капитан Дашков, после шестидневного "жестокое и несправедливое" содержания Макуори под арестом, когда все кончилось, ни за что не хотел выпустить Макуори из города, пока тот не отобедает у него дома. "Я был вынужден принять это приглашение и отложить отъезд до вечера", - подавленно записывает Макуори в дневнике. В то же время он никогда не осуждает русских как нацию, никогда не забывает отметить доброжелательность и помощь многих людей, которых он встретил во время путешествия. Его замечание о приеме у командующего Веселаго в Баку - "истинно русская открытость" - говорит о том, что, по крайней мере в начале путешествия, он относился к русским с симпатией.

Макуори в своем дневнике дает очень краткие описания увиденных им в России городов на всем протяжении пути от Баку до Петербурга, и только там, когда день его отъезда в Англию был наконец-то близок, состояние "преодоления", которое доминировало в его сознании до приезда в Петербург, сменилось обычным интересом к новому месту. После бескрайней, дикой и часто непостижимой России в Петербурге он внезапно вновь вернулся в знакомый европейский мир: международные интриги, вежливые манеры, блестящие приемы и над всем этим как фантастическая декорация - величественный Петербург с пышными царскими дворцами, с широкими элегантными мостами, красивыми садами и героическими статуями. "Самый великолепный и изысканный", "самый блестящий и планомерно построенный город в мире", - отзывается он о Петербурге.

Итак, вместо ожидаемой прямой зависимости - радушный прием русских в Австралии в ответ на приятное путешествие по России - модель поведения Макуори оказывается гораздо сложнее. Возможно, что те русские, которых он так гостеприимно принимал в Австралии, были для него посланцами европейского лица России, повернутого к Западу, в то время как детали самого путешествия, столь живо описанные им в дневнике, - плохие дороги, задержки и аресты, грубость бюрократов и полиции, пьяные солдаты - подернулись романтической дымкой и почти изгладилась из памяти. Слова Макуори о его посещении России "езде был принят хорошо", сказанные им капитану "Открытия" Васильеву в 1820 году, несомненно относятся к этому европейскому образу России. Впрочем, иностранцы всегда отличались способностью сохранять в памяти только приятные воспоминания о России.

Русские моряки оставили интересные воспоминания о Макуори и его жизни в Австралии. Его сиднейская резиденция, находившаяся на Бридж-стрит, не сохранилась до наших дней. Лет десять назад при строительстве небоскреба на этой узкой улочке в самом сердце сиднейского сити был обнаружен фундамент первого губернаторского дома и теперь тут создан маленький музей. Но русские бывали на этом месте, когда здесь можно было застать "губернатора Маквария... в саду небольшого сельского домика", - именно такой показалась губернаторская резиденция Беллинсгаузену. А.Российский писал, что "дом генерал-губернатора Маквария, построенный в итальянском вкусе, с прекрасным фруктовым садом" располагался в красивейшей части города. Ал.Лазарев отмечал, что дом был "построен из мягкого камня, и все принадлежности к оному отделаны с чистотой, свойственной англичанину. Против дома его находится большой зеленый луг, на котором бегало

Элизабет Макуори

Современный вид губернаторской резиденции в Парамате

много двуутробок [кенгуру] и какаду; у дома же стоят в карауле английские солдаты". Особенно интересны описанные И.Симоновым интерьеры дома, о которых почти ничего не известно австралийским историкам: гостиная расписана "al fresco под карандаш различными сценами из сказок Шехерезады. На стенах же столовой мы видели картины, изображающие редкости Новой Голландии и предметы живот-

ного царства, как-то: фамилия коренных жителей этой земли; дикая кошка раздирает какаду; кенгуру; еймю [эму]; разные роды какаду – белые, черные, серые; гуси и голуби Вандименовой земли [Тасмании]... Все это писано с большим искусством одним художником, сосланным в Порт-Жаксон за какое-то преступление".

Русские моряки бывали в гостях у губернатора и в его загородной резиденции в Парамате. Этот дом сохранился и, посетив его, можно живо представить, каким он был 176 лет назад, когда губернаторская карета подвозила сюда капитанов русских кораблей, а река Парамата ("или, лучше сказать, ручей порядочный" по отзыву Васильева) оглашалась песнями русских матросов, которые везли в шлюпках офицеров. А потом радушный хозяин разместил гостей в спальнях второго этажа, и, поскольку отдельных "горниц" на всех не хватило, он поместил астронома Симонова и живописца Михайлова вместе, "примолвя: науки и художества должны быть в самой близкой связи". Жена губернатора Элизабет Макуори, по воспоминаниям Ал.Лазарева, "нарочно туда прежде нас отправившаяся... стараясь предупреждать нас во всем, ... под видом простых разговоров выведывала, какие кушанья наиболее любят русские, когда, в какое время завтракают и т.п., и все это делалось в наше угождение". Шишмарев писал о ее внимании к русским морякам: "все старались занимать нас, а более его супруга. Женщина уже пожилых лет и слабая в здоровье, но видно было [ее] к нам расположение душевное". Позади дома до сих пор можно различить место, где был "задний сад, [ограничивавшийся] с одной стороны полукруглым, деревьями обросшим косогором".

Гостеприимные хозяева водили русских гостей среди залитых солнечным светом золотых мимоз и благоухающих апельсиновых и померанцевых деревьев и ничто не говорило о том, что над головой Макуори сгущаются тучи и уже близка его отставка, вследствие происков его недоброжелателей... Если верить Д.Завалишину, то у русских моряков в 1820 г. даже возник план представить Лаклана Макуори к царской награде в благодарность за оказанный прием. И хотя никаких следов этого представления к награде обнаружить не удалось, Макуори действительно, как никто другой, заслужил ее, стоя у истоков русско-австралийской дружбы, которая за всю последующую историю никогда не была столь безоблачной и искренней.

Источники и литература: Mitchell Library. L.Macquarie, *Diary*, A 774, ff.108-119, 124-128, 133, 161-162, 171; L.Macquarie, *Journal*, 1807, A 771, ff.541-656; Российские моряки и путешественники в Австралии, М., 1993, с. 29, 38, 41, 50-51, 55-56; Ф.Беллингаузен, Двукратные изыскания в Южном ледовитом океане..., М., 1949, с. 143, 158-159, 250; А.Л.Лазарев, Записки о плавании военного шлюпа "Благонамеренного"..., М., 1950, с. 150, 152; А.Массов, Андреевский флаг под Южным Крестом, СПб., 1995, с.30-42; J.Ritchie, *Lachlan Macquarie. A Biography*. Melbourne, 1986, pp.85-86; G.Barratt, *The Russians and Australia*, Vancouver, 1988, p.72-73.